

Анархизм в 21-м столетии?

Габриэль Кун

2009, перевод от 8 марта 2011

Анархистское движение по всему миру набрало такую силу, какая не приходила к нему с начала 20-го века. Кризис марксизма ответственен за это так же как и целый ряд новых социальных конфликтов (атипичные формы занятости, изменения климата и т.д.), равно как и относительно сильно анархистское движение в США, которое, возможно, ироничным образом вдохновляет по всему миру из-за гегемонии американской культуры.

Говоря в целом, самым большим вызовом для анархистской политики остаётся тот же самый, который был всегда: собственно, найти ответ на вопрос, каким образом можно преодолеть государство и капитал, или как можно создать сообщества, которые на основе равенства и солидарности сделают возможным свободное индивидуальное развитие. Соответствующие дискуссии характеризуют анархистское движение уже давно и будут и в дальнейшем.

В рамках этой статьи этот вопрос не решится. К тому же, я считаю, что соответствующие ответы могут возникнуть лишь из анархистской практики. В этом смысле мне хочется обратить своё внимание здесь прежде всего на вызовы, которые касаются самого анархистского движения – вызовы, за которые ответственны большей частью мы сами и которые оставляют нам относительно большую площадку для действий.

При этом я думаю о тех противоречиях, которые возникают в движении с эгалитарными и антиавторитарными претензиями, являющегося большей частью мужским, белым и коренящимся в средних классах развитых промышленных стран. Это верно не только современного анархистского движения, но и части его истории. Практически все известные представители анархизма были белыми мужчинами (такие исключения как Луиза Мишель, Люси Парсонс, Вольгарина де Клер или Эмма Голдмэн скорее подтверждают правило) и большая часть из них происходила из социально и экономически привилегированной буржуазии или даже из аристократии. Это верно интернационально — возьмём, к примеру, Михаила Бакунина и Петра Кропоткина — как и в немецко-язычных странах — и тут происходят двое самых известных представителей, Густав Ландауэр и Эрих Мюзам, из буржуазных семей. Корни анархизма в развитых индустриальных обществах издавна подчёркивались его марксистско-ленинистскими критиками, которые оговаривали анархизм как «феномен (мелкой) буржуазии». Я не думаю, что эта критика касается сути анархизма (иначе я не стал бы

выступать за это движение), но она касается болезненного момента, нуждающегося в само-критичном анализе.

В последние десятилетия — грубо говоря, со «второй волны» анархизма, которая произошла в связи с социальными протестами поздних 1960-х — упомянутые характеристики анархистской культуры подверглись куда более сильной внутренней критике, чем это происходило в 19-м и в начале 20-го столетий. Феминистки и «People of Color» принимали значительное участие в обозначении этих проблем и в их осознании. Они также сделали соответствующие выводы. Так, в 1970-х возник как явный «анарха-феминизм», так и называющий себя так «чёрный анархизм». В леворадикальных и близких анархизму кругах в немецко-язычных странах эти проблемы тоже всё более называются и обсуждаются. Текст «Три к одному. Классовое противоречие, расизм и сексизм» Клауса Фимана и Ко, впервые опубликованный в 1990-м году, может считаться одним из важнейших примеров. В дальнейшем проблемы поднимались достаточно часто, чтобы из-за предполагаемого излишества вызывать у товарищей лишь закатывание глаз. Но: закатывание глаз проблем не решает — и не делает их менее важными. Как и прежде, анархистское движение отражает властные отношения, с которыми оно пытается бороться. Это не кажется мне причиной, чтобы объявить движение устаревшим — к тому же, я и сам белый мужчина с привилегированным социо-экономическим происхождением. Вопрос, который возникает передо мной, это не то, как отмахнуться от этого, а как серьёзно обращаться с реальностями нашего движения.

Что касается форм обращения с обозначенными противоречиями в целом, то с 70-х годов можно обнаружить, грубо говоря, четыре схемы:

1. Отрицание

Как мне кажется, удивительным образом эта реакция встречается нам снова и снова. Как минимум, понимание ситуации как проблематичной считается преувеличением: вот некоторые факты:

Что касается белого и мужского преобладания в сцене, то можно сослаться на достоверные источники: к примеру, на списки авторов анархистских антологий или на списки выступающих на анархистских мероприятиях; личности, которые считаются особенно влиятельными в анархистских проектах и организациях и т.п. К этому можно добавить личные наблюдения: за последний год я провёл почти 40 мероприятий по анархистской тематике в немецко-язычных странах. Процентное отношение мужчин, которые приходили на мероприятия, было примерно 80%. Место, которое занимали мужчины в дискуссиях — примерно 95%. Что касается участия людей с иммигрантского происхождения, то процентное отношение было ещё менее уравновешенным. В других странах дела обстоят, насколько я могу судить из собственного опыта и на основании разговоров с товарищами, едва ли иначе.

Классовая принадлежность анархистских активистов и активисток по разным причинам менее очевидна, но преобладание студентов из средних классов ощутимо. Показательными кажутся мне в этой связи дискуссии внутри анархо-синдикалистских и анархо-коммунистических кругов (в которых, как правило, относительно много рабочих и работниц) по вопросу, как можно «достичь лучших отношений с рабочими и работницами» — что напрашивается на вывод, что в этих кругах довольно немногие сами относятся к рабочим и работницам.

Касательно места анархизма в развитых промышленных странах, то и здесь должно быть достаточно эмпирического взгляда: самые сильные анархистские движения существуют в странах Европы, Северной Америки, в Австралии, Новой Зеландии, Японии, Израиле и латиноамериканских странах Бразилия, Аргентина, Уругвай и Мексика. К тому же есть отдельные анархистские группы на Кубе, в Венесуэле (преследуемые государственно-социалистическими режимами) и в других латиноамериканских государствах, а также в некоторых азиатских странах, к примеру, в Китае (где исторически существовало относительно сильное анархистское движение, которое было разбито националистским и маоистским движением), в Южной Корее или на Филиппинах, и в немногих арабских странах, как-то в Ливане, Иордании или в Египте (часто с хорошими связями в Европе). В Южной Африке, наконец, анархистское действие сконцентрировано исключительно в Zabalaza Anarchist Communist Front, который, однако, делает замечательную работу и является одним из самых амбициозных и интереснейших анархистских проектов в мире. Тем не менее, во всех этих странах — возможно, за исключением Филиппин, где, кажется, существует самая большая локальная плотность локальных анархистских течений в «Третьем мире» — было бы преувеличением говорить об анархистских «движениях». В любом случае, анархизм как политическое движение остаётся в большей части Африки, Азии и Океании, равно как и во многих странах Латинской Америки, практически неизвестным.

Тут становится важным одно различие, которое кажется мне весьма значительным. Речь идёт о различии между «безвластной политикой» и «анархистской политикой». Что именно означает «власть» или «безвластие», можно обсуждать долго и не может разрешиться в этом тексте. Поэтому я прошу, принять следующие определения: «безвластная политика» — это политика, которая выступает за образы жизни без институционализированного авторитета и иерархических структур или за образы жизни, при которых — как сформулировано в начале — люди могут жить свободно на необходимой основе равенства и солидарности. «Анархистская политика» была бы тогда безвластной политикой, которая просто называет себя «анархистской».

Это различие — не просто мелочность. Оно важно, прежде всего, потому, что отсутствие анархистских движений в большинстве стран «третьего мира» не допускает вывода, что там нет проектов безвластной политики. В контексте этой статьи это, прежде всего, важно для проектов сотрудничества, которые ещё предстоит сформулировать.

2. Жалобы

Этот феномен широко распространён: анархистские активисты и активистки соглашаются с важностью обозначенных выше проблем и выражают свои сожаления — и поступают в дальнейшем как и раньше. Надеждой этой дискуссионной статьи является помочь преодолеть эту позицию.

3. Рекрутирование

Среди тех активисток и активистов, которые довольствуются жалобами, обнаруживаются и по сей день сильные тенденции следовать тактике «рекрутирования»: они размышляют, как можно завоевать людей, которые едва представлены в анархистском движении. Мотивация зачастую благородна, но результаты, обычно, менее, чем посредственны. Как правило, попытки рекрутирования оставляют все те аспекты

неназванными, которые делают анархистское движение для «рекрутов» с самого начала мало привлекательным. На первом месте тот факт, что речь идёт о группе активисток и активистов, которые претендуют на обладание политической правдой и в общении с другими прежде всего задаются вопросом, как они могут лучше всего её преподнести другим. Не удивительно, что это понимается как попечительство — прежде всего тогда, когда рекрутирующие сами происходят из общественных групп, которые в целом ответственны за попечительство дискриминируемых в обществе групп. Иными словами, попытки рекрутирования часто приводят к немногим большему, чем к так называемой «позитивной дискриминации», и воспринимаются как элитарные и попечительские. Часто отношения между участниками ухудшаются. Рекрутирующие активистки и активисты воспринимаются как особенно назойливые и даже особенно лицемерные. Анархизм отчуждается как политическое движение от большинства тех людей, за которых он, якобы, сражается; одновременно многие активисты и активистки оказываются разочарованными и дезиллюзионированными из-за отсутствия успехов или даже враждебных реакций и поворачиваются в свою очередь к анархистскому активизму спиной.

4. «Союзническая политика»

Прежде всего в Северной Америке 1990-х годов развилась форма солидарности внутри радикальной левой, которую можно обобщить под названием «Ally Politics» или «союзническая политика». Самыми известными концепциями являются концепции «male ally» или «white ally». Эти концепции основываются на убеждении, что самой эффективной формой, которой мужчины или определяемые как бывшие люди могут оказывать поддержку борьбе женщин или не-белых людей, является солидарная поддержка этой борьбы, поддержка, которая не претендует на ведущую роль. Это не означает пассивности. Деконструкция собственной мужской или женской идентичности является частью борьбы, за которую ответственны сами мужчины или белые. О чём идёт речь, это — следовать в анти-патриархальной или анти-расистской борьбе потребностям, интересам и проявлениям тех, кто страдает от патриархальных или расистских структур в первую очередь.

Эта стратегия показала себя, по моему мнению, несмотря на многие трудности, в целом продуктивной, и я считаю, что её можно перенести на анархистское движение целиком. Покуда анархистское движение выглядит так, как оно выглядит сейчас, оно может добиться убедительности прежде всего тем, что покажет себя сильным и надёжным союзником всех тех, кто наиболее сильно угнетается государством и эксплуатируется капиталом и борется с этим.

Тут играет, как мне кажется, свою важную роль названное выше различие между «анархистской» и «безвластной» политикой. Многие люди, которые политически активны в безвластном смысле, дистанцируются от анархистской сцены не потому, что её принципы и идеалы для них неприемлемы, а потому, что они в ней не чувствуют себя как дома по ряду причин. Некоторые не хотят ставить себя в определённый политический угол или не хотят навешивать на себя ярлыки. Но это, кажется, не главная причина. Похоже, что дело больше в социо-культурных различиях, которые создают дистанцию. Они, в свою очередь, имеют глубокие корни. Анархизм развился в европейском патриархате; это всегда отражалось в его социальной принадлежности и его формах культурного выражения. Современным примером является тесная

связь, состоящая с конца 1970-х годов между анархизмом и панк / хардкор-культурой — культурой, которая столь же явно состоит из белых мужчин. Иэн МакКей, ветеран панк / хардкор-сцены в США, участник таких групп как Minor Threat и Fugazi, проживающий в округе Вашингтон, в городе с 70% белокожего населения, участвовал в многочисленных проектах, которые пытались сломить «белокожесть» сцены. Недавно он высказывался в одном интервью, что убедился в том, что, в конце концов, для такой публики на панк / хардкор-сцене есть простая причина: «Белые ребята — это, пожалуй, те, кто охотно смотрит, как люди прыгают с гитарой по сцене. Почему оно так, я не знаю». От попыток рекрутирования он отказывается: «Цветные люди, разумеется, сами способны решить, что они хотят видеть, а что нет. Отказывать им в этой способности неуважительно».

Я цитирую это интервью, т.к., по моему, высказывания МакКея демонстрируют значение, которыми обладают социо-культурные условия для формирования сцены, по ту сторону всех политических ориентаций. Это также означает, что это формирование не может быть просто изменено посредством политических убеждений. На этом месте я отважусь утверждать, что даже если бы — далёкий идеал! — все анархисты развились в убеждённых антисексистов, а все анархистки стали бы яркими антирасистками, демография движения изменилась бы не сильно. Социальные соглашения и формы культурного выражения оказывают влияние, которое нельзя недооценивать.

Это ни в коем случае не означает, что мы не должны пытаться дальше формировать анархистское движение столь открытым, насколько это возможно. А тем более, что у нас есть извинения для поддержания привилегированного клуба белых мужчин. Все социальные движения становятся более симпатичными и интересными, чем более они открыты, а выбрасывать универсальные анархистские идеалы за борт было бы фатальным. Всякое сообщество выигрывает от открытости, динамики и разнообразия — это касается и движения анархистского.

Но: нам не обязательно отчаиваться, если состав нашего движения противоречит его идеалам. Как уже было сказано, ответственны за это не только политические причины, но социальные и культурные. Это также означает, что мы в любом случае можем заниматься убедительной безвластной политикой, пока мы способны действовать как убедительные союзники. Аспектом, который стоит обдумать в этом контексте, являются и скромные возможности лавирования, которыми обладают привилегированные белые мужчины. Подразумевает это вот что: на анархистской сцене, среди прочего, потому так много белых мужчин, потому что женщины и «цветные люди», равно как и рабочие и работницы и люди в странах «третьего мира» — могут организовываться в ряде автономных групп, которые придают субверсивную идентичность уже через одну принадлежность к ним. Эти группы часто недоступны для привилегированных белых мужчин, так же как для них невозможно создать собственные автономные группы, которые выполняли бы ту же задачу. Поэтому им не остаётся, вольно выражаясь, при субверсивных политических амбициях часто ничего другого как вписываться в движения с универсальными политическими целями — в которых они зачастую остаются одни.

Что касается анархистского движения, то из-за этого возникает жалкий круговорот: потому что оно столь сильно формируется привилегированными белыми

мужчинами, другие к нему просто не присоединяются или вскоре покидают его, разочарованные. Это, в свою очередь, означает, что внутри движения воспроизводство общественных властных отношений ставится под вопрос недостаточно (либо, более просто выражаясь: что привилегированные белые мужчины не могут учиться у других) и, следовательно, легко продолжается дальше. Анархистское движение, таким образом, как оно есть, т.к. люди из определённых общественных групп присоединяются к нему лишь в небольших количествах, именно поэтому и меняется с трудом.

Это подтверждает тот факт, что анархистское движение борется не только по политическим причинам с внутренними противоречиями. С другой стороны, жалобы не помогут — концентрация на собственной трансформации и способности к союзничеству кажется куда более многообещающей.

Способными к союзничеству мы должны быть как для людей, занимающихся безвластной политикой, которые (по каким угодно причинам) не называют себя «анархистами», как и для людей, особенно страдают от государства и капитала и других механизмов угнетения и эксплуатации. Необходимыми для этого являются самокритичная рефлексия, честный подход к нашей собственной социальной позиции, равно как и взгляд за край нашей собственной сцены.

Быть способными к союзничеству означает также отказ от упреков в сепаратизме, когда товарищи хотят организовать автономно. Лично я никогда ещё не видел, чтобы такие упреки пошли на пользу единству движения. Люди, которые решаются на автономную организацию, на сколько я знаю, никогда не отказывались от таких намерений, если им кто-то объяснял, что это «сепаратизм» или «раскол». Подобные упреки приводят лишь к тому, что все связи обрываются и возникают непреодолимые пропасти. Если товарищи хотят организовать автономно, для этого есть, очевидно, причины. Поэтому такие формы организации должны восприниматься как усиление движения, создающее основы для лучшего обмена — а в идеальном случае и условия, при которых они больше не нужны. Очернять их как ослабление никому пользы не принесёт.

Что касается возможностей анархистской союзнической политики, то для неё вполне существуют вдохновляющие примеры. Последние годы создали многочисленные коалиции между анархистскими и другими безвластными активистами, в которых анархисты и анархистки боролись бок о бок вместе с женскими группами, либертарными профсоюзами, защитниками природы, антимилитаристами и критиками неолиберализма. Многие из этих коалиций были эффективными и отмечены взаимным уважением. Личный анекдот должен подтвердить надежду, которую я вкладываю в подобные союзы: несколько месяцев назад я вместе с подругой, с которой мы были занимались политическим активизмом ещё в школе, посетили смешанное анархистское мероприятие. Моя подруга рано покинула смешанную сцену и участвовала почти всё время лишь в автономных женских группах. После мероприятия она заявила, что анархистские встречи всё ещё остаются самыми приятными, когда речь заходит о смешанной сцене — по крайней мере, есть ясные антипатриархальные заявления и определённая общая солидарность. Переживания вроде этого придают мне уверенности, когда речь заходит о потенциале анархистской сцены как о надёжном союзнике.

Также что касается отношения к людям, которые не понимают себя как политических активистов и активисток, есть примеры, показывающие возможности эффективной союзнической политики. Недавно в одном левом архиве не глаза мне попала статья об автономном культурном центре Райтшуле в Берне: там рассказывалось о иммигрантах, которые периодически встречались на площади перед Райтшуле. В статье затрагивалась проблема, что происходит лишь мало активных контактов между иммигрантами и активистами и активистками из Райтшуле. В то же время из прилагавшихся интервью с иммигрантами было ясно, что они встречались перед Райтшуле потому, что это было самое приятное для них место в городе. Их оставляли в покое, они могли расслабиться и в уютной атмосфере провести время со своими друзьями. Там было, по словам одного из опрошенных, «будто в Африке». При всех очевидных пробелах, которые приносит недостаток активных контактов, нельзя недооценивать способность создания таких мест.

К тому же есть примеры, когда анархистские активистки и активисты совершенно конкретно вмешивались в борьбу групп, не обозначавших себя как анархистские, и силивали их, либо когда они принимались и воспринимались как «хорошие союзники». Common Ground Projects в Новом Орлеане, оказавший помощь в восстановлении чёрных кварталов после урагана Катрина, может быть упомянут тут так же, как и вмешательство FAU в захват велосипедной фабрики в Нордхаузене (Strike Bike).

Общие условия для анархисток и анархистов, играющих важную роль в рамках (обобщённой) безвластной политики, благоприятны. Как упоминалось в начале, анархистское движение сегодня переживает особенный исторический подъём. Этому есть несколько примеров: так называемое движение против глобализации, по крайней мере, когда оно достигло западного мира в протестах против WTO в 1999-м году в Сиэтле, в основном организуется анархистами (и это касается не только «чёрного блока!»); новые альтернативные СМИ (индимедиа и т.п.) испытывают сильное анархистское влияние; поддержка заключённых остаётся традиционной темой анархистской активности; в радикальных эко-движении и движении за права животных анархистов весьма много и они влиятельны; многочисленные антивоенные кампании основываются, в основном, на анархистской поддержке; а во многих восстаниях и бунтах — как недавно в Греции — анархисты представляют центральную силу.

Признаками относительной актуальной силы анархизма являются к тому же интерес СМИ к движению, который увеличился за годы, как и вновь возникший академический интерес, приведший к небывалому количеству семинаров, конференций и публикаций об анархизме — достигший пика в недавно вышедшем в издательстве Routledge томе «Contemporary Anarchist Studies».

В немецко-язычных странах тоже можно рассматривать как симптом, что сегодня в Берлине нашлись люди, чтобы организовать «анархистский» конгресс, а не «автономный» или не «либертарный». Одним из самых радостных аспектов анархистского движения в немецко-язычных странах является то, что оно отмечено куда меньшей враждебностью, чем движения многих других стран, в которых различные фракции сражаются друг с другом вместо того, чтобы заниматься вместе политикой. Такие расколы могут лишь ослабить анархистское движение и должны, по моему мнению, по возможности избегаться. Пока товарищи ставят свою политику на антигосударственные и антикапиталистические основы, должно быть возможным с уважением к

друг другу обмениваться опытом и, при всех разногласиях, вместе бороться. Объединяющая анархистская нить не должна теряться из виду, если мы хотим быть эффективной политической силой.

Дебаты вокруг специфических тактических и стратегических вопросов кажутся мне в этом контексте зачастую переоценёнными. Различные подходы к политической теории и практике не должны быть причиной для раздора, а восприниматься как шанс, выразить наши убеждения различными способами и поставить анархистскую политику на широкую основу. Конфликты вроде «пацифизм против воинственности», «стиль жизни против организации», «классовая борьба против критики технологии», «создание осознанности против культурной интервенции» не должны приводить к ожесточению, но к разнородному движению. Представление, что посредством «верных» решений можно управлять революционными процессами — это иллюзия. Иначе говоря: когда группам удаётся, управлять революционными тенденциями, они неизбежно теряют этот сущностный либертарный момент и контроль перенимают революционные авангарды — это едва ли может соответствовать анархистским убеждениям.

Революционные процессы как погода: непредсказуемы и неподконтрольны. Задачей анархистов и анархисток является эффективно вмешаться в эти процессы, а не пытаться ими управлять. Тактические и стратегические вопросы при этом, конечно, всегда важны — но лишь как конкретные, а не как «идеологические». Широкая палитра возможностей интервенции может при этом быть только полезной.

Революционные тенденции переживают периоды подъёма и упадка. Во время первых анархистская работа интересна и придаёт мужества. Но это не означает, что анархистская работа в периоды революционной слабости бесполезна. Важная заслуга анархистской политики заключается в том, чтобы создать и сохранить контр-культуру. Она как непосредственное выражение наших идеалов не только ценна сама по себе, но и создаёт в то же время основу, исходя из которой мы во время революционного подъёма эффективно можем вмешиваться в общественные процессы. Контр-культурные сети включают в себя захваченные дома, коммуны и самоуправляемые предприятия, равно как и федерации, радикальные рабочие синдикаты и либертарные образовательные учреждения. Они чрезвычайно важны для субверсивных устремлений и забота о них — основная тема анархистской политики. К этому имеют отношения две важных, на мой взгляд, задачи современного анархистского движения:

Первая заключается в построении интернациональных (или «транснациональных») отношений. Даже если пред лицом реально-политических отношений объяснимо, что и анархистские движения отмечены национальными государствами, нельзя не усмотреть некий иронический момент. Существующие международные анархистские федерации — вроде International of Anarchist Federations и International Libertarian Solidarity — служат в первую очередь обмену информации или существуют вообще лишь номинально; в политическую борьбу они практически не вмешиваются. Международная Ассоциация Трудящихся как анархо-синдикалистский интернационал является отдельной темой. Но здесь не место обсуждать его, как он того заслуживает. В любом случае, предстоит сделать ещё многое, что касается контактов с активистами и активистками в странах «третьего мира». Он, кстати, Чиапас

не ограничивается. Анархистские позиции по конфликтам в Конго или в Дарфуре были бы столь же важны как позиции по конфликту на Ближнем Востоке, способные преодолеть сектантские тупики.

Второй задачей является необходимое, по моему мнению, преодоление эксклюзивности и унифицированности анархистской сцены. Публика в анархистских местах встреч — книжных магазинах, кафе и т.п. — как правило, куда более гомогенна, чем в любых местах внешнего общества. Для движения, которое, среди прочего, определяет себя через преодоление буржуазного нормирования, это едва ли лестно — кроме того, что это важная причина, почему вхождение в анархистскую контр-культуру для многих непосвящённых оказывается таким трудным. Даже если мы часто не хотим этого замечать и энергично отрицаем такие понятия: в нашей сцене нужно выучить много правил и понять много кодов. Для некоторых этот процесс просто слишком труден.

То, что некоторые люди на личном уровне чувствуют себя непринятыми в анархистской сцене, мало помогает. «Суверенность» и «клёвость» оказываются центральными добродетелями, дружелюбие часто путается с буржуазностью, а многие товарищи, кажется, боятся, что у них выпадет бриллиант из короны, если они первыми скажут «привет» или улыбнутся. Значение (и политическое тоже), которым обладает социальная приглашающая, тёплая и сердечная атмосфера, не должна недооцениваться; к тому же это единственная атмосфера, которая соответствует нашим представлениям о «лучшем мире».

Я люблю анархистское движение, и я верю в его возможности. Ничто из того, что было сформулировано в статье, не стоит понимать как обвинение. Несмотря на все трудности я убеждён, что анархистское движение внесёт свой вклад в дело солидарности и справедливости в этом мире — независимо от того, стоит ли перед дверями революция или мы защищаем в кажущейся неблагодарной мелочной работе пространства относительной свободы. Без анархисток и анархистов этот мир был бы беднее, независимо от того, сколько нас и сколь велико наше влияние в определённый исторический момент. Пока нам удаётся жить согласно нашим принципам, идеалам и мечтам (пусть только в зачатке), до тех пор анархия — реальна.

То, что это связано с борьбой, не должно нас пугать. Возможно, так будет всегда. Общество, не нуждающееся в критических анархистских голосах, едва ли может считаться анархическим. Недостатки, осложнения и неразрешённые вопросы принадлежат общественной жизни и должны постоянно рассматриваться как новые вызовы, делающие жизнь динамичной и напряжённой, вместо того, чтобы делать её статичной и скучной. Анархизм означает многообразие, движение и сопротивление.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Габриэль Кун
Анархизм в 21-м столетии?
2009, перевод от 8 марта 2011

Скопировано 2019-01-27 с <https://liberadio.noblogs.org/?p=278>
Перевод с немецкого. Взято из: *Gabriel Kuhn, «Vielfalt, Bewegung, Widerstand. Texte zum Anarchismus», 2009*

ru.theanarchistlibrary.org